

Мы посмотрели друг на друга на мгновение. Тем временем секретарь Со покинул кабинет и закрыл за собой дверь.

Я указал на гостевое кресло и произнёс:

- Присаживайтесь, пожалуйста, – он попытался сесть. Тогда я добавил: – Господин Кайдзи.

При слове Кайдзи директор Ли Вон Чэ рассмеялся.

- Вы ведь генеральный директор инвестиционной компании? Господин Дурос. Тогда Вы хорошо разбираетесь в акциях.

Я сказал, качая головой:

- Очень неловко называться таким прозвищем, особенно за пределами собрания. Пожалуйста, зовите меня по имени.

- То же самое верно и для меня. Генеральный директор Хан Сан Хун.

- Да, в любом случае приятно видеть Вас снова, директор Ли Вон Чэ.

- Мне также приятно встретиться с Вами.

После приветствия наступило неловкое молчание. Через некоторое время мы собирались заговорить и сделали это одновременно:

- Что мы знаем...

- В Garden Envy...

Мы открыли рты и столкнулись друг с другом глазами. Похоже, у нас была такая же мысль.

Я привёл свои мысли в порядок и сказал:

- Давайте отложим в сторону то, что мы знаем друг о друге по секрету в реальной жизни или в Garden Envy.

- Да, мне это тоже нравится.

Теперь всё было примерно устроено. Я переключился на рабочий режим:

- Если Вы являетесь членом Daewon Daily News, Keystone Media является ее дочерней компанией, верно?

- Изначально это был филиал спортивной газеты. Как Вы знаете, количество новостей в Интернете растёт, и мы изменили название и превратили её в развлекательную газету.

"Daewon Daily News – одно из пяти основных СМИ в Корее. Ему двадцать восемь лет. Если он в этом возрасте директор, его следует считать членом управленческой семьи. Я уверен, что председатель Daewon Daily News – мистер Ли, ммм..."

Я снова заговорил о работе:

- Итак, Вы все об этом слышали. Я спрошу прямо у вас. Это правда или ложь?

Он улыбнулся мне, но ничего не сказал. Однако он был здесь, и это должно быть правдой на девяносто девять процентов. Он имел на это право, потому что именно он покупал и продавал информацию. Я не мог позволить себе не получить ответ.

Я начал разговор:

- Я не знаю, что Вы думаете, но на самом деле я спокойно отношусь к гомосексуализму. Скорее, мне это нравится.

Ли Вон Чэ посмотрел на меня широко открытыми глазами.

Как будто я был гомосексуалистом, я продолжал говорить:

- Это хорошо. Если мужчины нравятся друг другу, остаются женщины. Вот только женщины не должны заниматься сексом друг с другом. Я против этого.

Он засмеялся над моей шуткой, но моё лицо окаменело:

- Тем не менее я не могу позволить никому обмануть меня, особенно в бизнесе.

Режиссёр Ли Вон Чэ кивнул с суровым лицом, подавив смех:

- Я понимаю.

- Это наше первое приобретение с момента создания инвестиционной компании. Кстати, если мы купим компанию, которая скрывает плохие новости по разумной цене, а позже выяснится, что это правда, не станет ли наша компания постоянным предметом шуток в инвестиционной индустрии? Они будут смеяться над нами из-за того, что мы купили это за большие деньги.

Он снова кивнул:

- Да.

- Это наша первая сделка. Ничего страшного быть не должно. Поэтому я хотел бы спросить Вас, сколько людей об этом знают?

Я не сказал, что это был за факт, но директор Ли Вон Чэ вскоре ухватился за это.

- Много. Люди в индустрии развлечений знают довольно много.

Я подумал о Квон О Хёке, который опустил голову. Я изменил вопрос:

- Тогда сколько людей смогут это доказать? Люди, которые могут уничтожить это в СМИ...

- Его любовники... я уверен, что каждый из них имеет такие данные. Но мы единственная медиа-компания, у которой есть доказательства. Это то, что я могу сказать точно.

Это означало: "Только у нас есть информация, так что заключите с нами сделку".

- Хорошо. Установим цену. Сколько это будет стоить?

- Один миллион долларов США или три миллиона долларов США.

Я слегка наклонил голову, и он сказал:

- Я уверен, что Вы догадались, но мы заключили с ним сделку. Но сделка... мы должны получить немного денег в соответствии с его доходом.

Я понял это в тот момент, когда услышал.

"Эти люди, кажется, подписали контракт, по которому До Чан Ки получает деньги, независимо от того, даёт ли он концерты или играет на ночной сцене, поэтому он может им доверять. Если его уничтожат, пострадают и эти люди".

- Итак, если Вы получите доказательства и подпишете контракт с условием, что Вы не будете публиковать их в средствах массовой информации, это будет один миллион долларов. Если Вы получите доказательства и откроете их средствам массовой информации, это будет три миллиона долларов. Если Вы откроете эти данные для прессы, мы потеряем наш доход.

"Они не понесут никаких потерь в данном вопросе. Вот и всё. Честно говоря, один или три миллиона долларов не имеют большого значения. Я скоро заработаю эти деньги. Мне нужно только решить, чем я хочу обладать: его жизнью или смертью".

Я сказал ему:

- Я подумаю об этом некоторое время.

- Конечно.

Я похлопал себя по подбородку и много раздумывал о генеральном директоре До Чан Ки.

"Если я заплачу один миллион долларов, он выживет, если я заплачу три миллиона долларов, он разорится. Что мне делать в этом вопросе?"

"Посмотрим, хорошо ли у Вас это получается". Я вспомнил, как он смеялся надо мной. "Я провёл в мире развлечений почти тридцать лет, но впервые был так шокирован".

Я также вспомнил, как он обманул меня. Моё сердце слегка наклонилось к кнопке "разрушения". Но в то время я также подумал: "Почему он так много лгал?"

Он был активен в девяностые годы, когда люди даже не могли красить волосы для телешоу. Восприятие гомосексуалистов было настолько плохим, что знаменитости, особенно певцы баллад, делавшие подобные заявления, просто навсегда уходили из индустрии развлечений. Так что ему, возможно, пришлось сделать выбор в пользу обмана публики.

Поэтому он начал лгать и пытался скрыть это. Хотя он не хотел жениться, он должен был это сделать, и тридцать лет прошло с тех пор, как он начал строить свою ложь. Теперь снежный ком стал таким большим, что он ничего не мог поделать.

Вот как я снова относился к выживанию.